

Записки покойника.

Умопомешательство в одной части.

***Сцена 1.** Квартира Максудова. На сцене в пятне света стоит табуретка с сидящей на ней человеком. Это Максудов. На нём серый костюм, рукава завернуты. Его руки исписаны текстом его романа. На протяжении сцены он то читает написанный на себе текст, то дополняет его новыми записями. Кроме табурета другой мебели нет, дополняет картину лишь видеопроекция обоев на стене, они так же исписаны мелким почерком.*

Максудов: (пишет) Март. Вьюжный март. Зимняя ночь над Днепром. Лошадиные морды. Над ними лица людей в папах. Бежит человек. Задыхаясь. Выстрел. Падает навзничь. Лежит неподвижно. От головы растекается черная лужица.

Максудов слышит звук метели и марша солдата. Пытается найти источник звука. Подходит к двери. Она открывается и из неё выходят люди.

Максудов: Ночь над Днепром. Комната. Горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Начинает играть гитара. В руке. Напевает.

Человек: Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса...
Дыбом станут волоса...

Максудов: Бахтин... Это как раз к твоему голову относится. Черт тебя знает, что поешь. Кухаркины песни. (пишет)
Бахтин стоит у буржуйки. Курит. На улице слышны выстрелы. (отрываясь) Поганое царство. Паскудное царство. Тараканьи бега.

Максудова окружают люди. Их лица не видны. Различимы лишь силуэты.

Человек: Язык ни к черту! Но занятно, чтоб тебя черти разорвали!

Человек: Станный вы все-таки человек, Максудов!

Человек: С подковыркой! Есть в тебе что-то несимпатичное, Максудов!

Максудов: *(отрываясь)* Это все приступ неврастении. Она уже завелась во мне, будет развиваться и сглохнет меня. Но пока еще можно жить. *(пишет)* Бахтин...

Человек: Конечно! Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопайте, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кофейная армия!

Человек: Метафора, Максудов, метафора- не собака. Без нее голо! Голо! Голо!

Человек: Скажите, Максудов, а ваш роман пропустят?

Человек: Ни в коем случае! О пропустить не может быть и речи!

Максудов: *(отрываясь)* Сочиняя роман, я ни разу и не подумал, будет ли он пропущен или нет. *(пишет)* Бахтин...

Человек: Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколется головы, они убегут за границу... Слушайте меня, друзья мои! Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Сию минуту снять погоны и домой!

Максудов: *(пишет)* Петров...

Человек: Знаю, Максудов, почему ты боишься. Ты смерти от позора ждешь! Беги! И прощай! Мы с тобой еще поговорим с потом.

Максудов: *(читает)* Отходит в сторону. Вынимает из кобуры револьвер. Анна...

Максудов достает авторучку и приставляет её к своей голове.

Человек: Он не застрелится!

Человек: Застрелится!

Человек: Максудов! Ты пойми! Не так уж и велики художественные достоинства твоего романа, чтобы тебе из-за него идти на Голгофу!

Максудов: *(пишет)* Стреляет себе в висок. Падает. Вдали слышалась гармоника и отдельные выстрелы. На высоте луна, а вдали-цепочкой грустные, красноватые огоньки в селении. *(отрываясь)* Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?

Окружившие Максудова люди взрываются аплодисментами. Свет набирается и мы видим, что рядом с Максудовым стоят Стриж, Елагин и Евлампия.

Сцена 2. *Сцена Независимого театра. На сцене четверо. Максудов стоит впереди, позади него стоят служащие театра режиссеры (Стриж и Евлампия) и Артист Елагин. Перед ними в гробу лежит человек. Мертвый человек. А если одним словом- труп. Становится понятно, что Максудов только что рассказывал им содержание своего романа в красках.*

Стриж: Прекрасно!

Елагин: Грандиозно!

Евлампия: Язык...

Елагин: Язык ничего! Содержание! Клавдий Александрович в восторге! Вы Клавдий Александровича знаете, Сергей Леонтьевич?

Елагин указывает на усопшего.

Максудов: Не имел чести...

Елагин: Это наш Эшаппар...

Евлампия: Удивительных талантов был человек...

Стриж: Погодите, да неужели вы и, простите, в нашем театре ни разу не бывали?

Максудов: Я ни в каких театрах не был.

Евлампия: Упущение...

Стриж: Клавдий Александрович заведывал звуковыми эффектами в нашем театре... Недавно почили. Надобно попрощаться.

Стриж, Елагин и Евлампия прощаются.

Евлампия: А вы попрощатся не хотите?

Максудов неопределенно смотрит на троицу.

Максудов: Хочу...

Стриж: Ну так прощайтесь!

Евлампия: Прощайтесь, прощайтесь...

Максудов неловко прощается.

Елагин: А вы я вижу не Москвич.

Максудов: Я, видите ли, недавно в Москве.

В глубине сцены открываются двери. Оттуда идет дым и зарево. Полное ощущение, что там горит печь. Из глубины зарева выходит изможденный монтировщик.

Монтировщик: Фома Сергеевич, там на основной сцене репетиция, нам бы надо бы-с... *(показывает на одну из табуреток на которой стоит импровизированный гроб)*

Стриж: Ах да, конечно! Забирайте! *(Замечает на себе недоуменный взгляд Максудов).*

Монтировщик забирает табуретку. Максудов поддерживает гроб, чтобы тот не упал.

Монтировщик: Чума на оба ваши дома!!!

С этими словами монтировщик забрысывает табуретку в топку и уходит.

Стриж: А знаете ли, какая мысль пришла нам в голову? Из вашего романа можно сделать пьесу! Вы напишите пьесу, а я ее поставлю!

Елагин, Стриж и Евлампия тоже медленно уходят и весь диалог в дальнейшем происходит на уходе.

Евлампия: Пьесу? Позвольте. А Осип Иванович?

Елагин: (хохоча) Ни-ни!

Евлампия: Вообще старейшины...

Елагин: Не думаю!

Евлампия: Неужели?! Да ведь на одних Галиных да на подсобляющем не очень-то!

Стриж: Простите, но я давно утверждаю, что пора поставить этот вопрос на театре!

Евлампия: А как же Сивцев Вражек?

Елагин: Да и Индия тоже неизвестно, как отнесется к этому дельцу.

Стриж: Эх, на кругу бы все поставить- они так с музычкой и поедут!

Евлампия: Сивцев!

Максудов: Вы знаете, а я уже начал писать пьесу.

Стриж: Чудесно- чудесно! Вы непременно продолжайте! Правда, мы таких пьес не ставили никогда ну, а вдруг возьмем да и поставим! А знаете, чем черт не шутит, вдруг старика удастся обломать. А?

Максудов: Старика?

Елагин: Вот дитя природы!

Евлампия: Сергей Леонтьевич. Старик- это мы так ласково называем Ивана Васильевича. Разве вы не слышали, что он стоит во главе Независимого Театра?

Стриж: У молодежи пьеска разойдется, лучше требовать нельзя. Вы не смотрите, что зал кажется маленьким, на самом деле он большой, а сборы здесь, между прочим, полные. А если старика удастся переупрямить, то и на большую можно!

Елагин: И разбогатеете до ужаса! В каретах будете ездить!

Стриж: Да-с, в каретах!

Евлампия: Да, но Сивцев!

На сцене остается Максудов. К нему подходит Елена Бомбардова.

Сцена 3. Тоже помещение.

Бомбардова: Я слышала вашу пьесу. К сожалению - это хорошая пьеса.

Максудов: Благодарю.

Максудов как замороженный смотрит на Бомбардову.

Бомбардова: Не хотите посмотреть нашу галерею портретов?

Максудов: (смущенно) Благодарю.

Гаснет свет. Зажигается фонарь. Бомбардова и Максудов оказываются в галерее.

Бомбардова: У нас висят много хороших людей. Вот, литератор... Достоевский Федор Михайлович. Севастьянов Андрей Пахомович - заведующий осветительными приборами театра. Это...

Максудов: Мольер!

Бомбардова: Пряхина Людмила Сильвестровна - артистка нашего театра. Шекспир Уильям, Чехов Антон Павлович, Островский Александр Николаевич!

Максудов: Виноват, а это кто же?

Бомбардова: Это? А это император Нерон.

Максудов: А почему он висит?

Бомбардова: По приказу Ивана Васильевича. Нерон был певец и артист.

Максудов: Простите, а.....(показывает на лежащий труп из предыдущей сцены)

Бомбардова: А это покойный генерал-майор Клавдий Александрович Комаровский-Эшаппар де Бионкур, командир лейб-гвардии уланского его величества полка.

Максудов: Но почему...

Бомбардова: Недавно почили. Надобно попрощаться. Вы порашались?

Максудов: Я попрощался...

Бомбардова: История его совершенно необыкновенная. Как-то приехал он на два дня из Питера в Москву, пообедал у Тестова, а вечером попал в наш театр. Ну, натурально, сел в первом ряду, смотрит... Не помню, какую пьесу играли, но очевидцы рассказывали, что во время картины, где был изображен лес, с генералом что-то случилось. Лес в закате, птицы перед сном засвистели, за сценой благовест к вечерне в селенье дальнем... Смотрят, генерал сидит и батистовым платком утирает глаза. После спектакля пошел в кабинет к Аристарху Платоновичу. Говорит: «Научите, что делать?!» Ну, тут они затворились с Аристархом Платоновичем...

Максудов: Виноват, а кто это Аристарх Платонович? –

Бомбардова: Во главе нашего театра стоят двое директоров - Иван Васильевич и Аристарх Платонович. Вы, простите, не москвич?

Максудов: Нет, я - нет... Продолжайте, пожалуйста.

Бомбардова: ...заперлись, и о чем говорили, неизвестно, но известно, что ночью же генерал послал в Петербург телеграмму такого содержания: "Петербург. Его величеству. Почувствовав призвание быть актером вашего величества Независимого Театра, всеподданнейше прошу об отставке. Комаровский-Бионкур".

Максудов: И что же было?!

Бомбардова: Компот такой получился, что просто прелесть. Александру Третьему телеграмму подали в два часа ночи. Специально разбудили. Тот в одном белье, борода, крестик... говорит: "Давайте сюда! Что там с моим Эшаппаром?" Прочитал и две минуты не мог ничего сказать, только побагровел и сопел, потом говорит: "Дайте карандаш!" - и тут же начертал резолюцию на телеграмме: "Чтоб духу его в Петербурге не было. Александр". И лег спать. А генерал на другой день в визитке, в брюках пришел прямо на репетицию. Резолюцию покрыли лаком, а после революции телеграмму передали в театр. Вы можете видеть ее в нашем музее редкостей. И была у него еще страсть: до ужаса любил изображать птиц за сценой. Когда шли пьесы, где действие весной в деревне, он всегда сидел в кулисах на стремянке и свистел соловьем. Вот такая странная история!

Максудов: Боже! Этот мир- мой!

Сцена 4. *В углу сцены загорается свет в импровизированной птичьей клетке. Внутри клетки стоит старенький телевизор и ходит несколько кур. Клетка небольшая, но высоты в ней достаточно чтобы человек ходил там сильно согнувшись.*

В клетке появляется Гаврил Степанович. Он рассыпает зерно и подзывает к себе куриц.

Г.С.: Договорчик, стало быть, надо подписать.

Бомбардова: (уходя) Будьте тверды.

Гаврил Степанович ловит курочку. Нежно поглаживает ее.

Г.С.: Гаврил Степанович- директор Московского Независимого Театра. А вы, стало быть, наш драматург?

Максудов: Максудов Сергей Леонтьевич.

Г.С.: Будьте добры, откройте защелку.

Максудов помогает открыть дверь клетки.

Г.С.: Сергей Леонтьевич, вот беда. Не знаю уж, как договорчик подписать, не согласовав с Иваном Васильевичем. Ну, уж разве только для вас! Читайте договорчик!

На старом телевизоре в клетке включается видео, на котором Петух «топчет» курицу. Курице это нравится.

Максудов: (читает) Автор не имеет права передавать свою пьесу в другой театр Москвы. Автор не имеет права передавать свою пьесу в какой-либо театр города Ленинграда. Автор не имеет права отдавать свою пьесу в какой-либо театр. Автор не имеет права печатать свою пьесу. Автор не имеет права требовать от театра процент от сборов. Автор не имеет права протестовать против изменений, внесенных в пьесу во время репетиций. Автор обязуется!

Г.С.: Обязуется!

Максудов: Автор обязуется безоговорочно и незамедлительно производить в своей пьесе поправки, изменения, добавления, сокращения, буде дирекция, , или

какие-либо комиссии, или учреждения, или организации, или корпорации, или отдельные лица, облеченные надлежащими на то полномочиями, потребуют таковых, - не требуя за сие никакого вознаграждения.... А какое вознаграждение подразумевается?

Г.С: А какое вознаграждение вы считали бы для себя приемлемым?

Максудов: Мне обещали две тысячи рублей.

Г.С: Эх, деньги-деньги! Сколько зла из-за них в мире! Все мы только и думаем, что о деньгах, а вот о душе подумал ли кто? Четыреста рубликов? А? Только для вас? А?

Максудов: А может быть, можно тысячу восемьсот? Мне обещали...

Г.С: Четыреста двадцать пять. А?

Максудов: А, может, тысячу триста? Мне, право, неловко, но я сейчас не при деньгах, а мне портному платить...

Г.С: Вот этот вот костюм шил?

Максудов: Да.

Г.С: Гоните его в шею!

Максудов: Видите ли...

Г.С: У нас, знаете ли, прецедентов не было, чтобы мы автору деньги при договоре выдавали, но уж для вас....четыреста пятьдесят!

Максудов: Тысяча двести! Без них мне не выбраться!

Г.С: А вы на бегах пробовали играть? На тараканьих?

Максудов: Нет...

Г.С: У нас один актер выиграл полторы тысячи. Выбирайте курицу.

Гаврил Степанович предлагает ему выбрать курицу для бегов, но Максудов явно растерян...

Максудов: Я признаться не игрок....

Г.С: И правильно! Помните Достоевского, у нас в галерее портрет висит!

Максудов машет головой.

Г.С.: Пропадете! Эх, деньги! И зачем они? Вот у меня их нет, и так легко у меня на душе легко, спокойно....

Максудов: Тысячу!

Г.С.: Эх, пропади все пропадом! Пусть меня хоть расскажут, но выдам вам пятьсот рублей. Подписывайте!

Максудов подписывает.

Г.С.: Теперь вы наш! Пройдите в кабинет!

Гаврил Степанович закрывает Максудова в клетке.

Максудов: Этот мир мой!

Г.С.: Деньги, которые будут даны вам, являются авансом, которые вы обязуетесь погасить из первых же спектаклей.

Максудов: Этот мир мой!

Г.С.: Сегодня получите 75 рублей. *(передает ему дюжину яиц)* Остальное - по договору. Потом.

Гаврил Степанович «нарочито театрально» растворяется в темноте.

Максудов: Этот мир мой.

Сцена 5. Та же птичья клетка. В клетке включается телевизор. Максудов смотрит сюжет, про готовящуюся постановку в Независимом театре. Но сюжет его не радует, так как никто не может вспомнить имя автора новой пьесы. По психофизике Максудова мы понимаем, что он сидит в клетке уже давно.

Максудов: Каково?! Каково?! О, вы, наверное, сейчас пытаетесь вспомнить мою фамилию?! Максудов Сергей Леонтьевич!

Появляется Стриж. Он явно пытается остаться незамечанным.

Стриж: Товарищ Максудов, вы где пропадаете я вас по всему театру ищу! Вы договор подписали?

Максудов: Да...

Стриж: Теперь вы наш. Только не беспокойтесь. Все в порядке: ваша пьеса в хороших руках. Нуте-с, ставить буду я. Мы ее в два месяца обломаем. Шекспир нас не задержит. С Шекспиром дело гладкое...

Максудов: Виноват, а мне сказали, что ставить будет Евлампия Петро....

Стриж: Никаких Евлампий! У меня твердая договоренность с Иваном Васильевичем! А ежели кто подкоп кто подведет, то я в Индию напишу! Заказным напишу! Давайте сюда экземпляр!

Максудов: Виноват, но у меня только рукописный вариант...

Стриж: О чем же они думали?! Вы в предбаннике у Торопецкой были? А у Августы Авдеевны? Были, я спрашиваю?

Максудов: Я виноват конечно, но я дописывал пьесу... Хотелось внести всего несколько уточнений, чтоб было понятно...

Из темноты появляется Бомбардова. Стриж пытается притворится частью стены.

Бомбардова: Фома Сергеевич! Фома Сергеевич!!! Вас в репетиционный зал просят. Начинают.

Стриж: *(делая вид, что ничего не произошло и уходя)* Завтра же в предбанник! Моим именем!

Максудов: Ну позвольте...что еще за предбанник? Торопецкая Августа Авдеевна...и что еще за Индия?

Бомбардова: Вы не знаете, что такое Индия?

Максудов: Ну, положим, это я знаю...

Бомбардова: И вы, наверное, знаете, что во главе нашего театра находятся двое директоров: Иван Васильевич...

Максудов:и Аристарх Платонович. Это я тоже знаю. А причем здесь Индия и предбанник? Это бред или мне послышалось? Без вас не обойтись - помогите!

Бомбардова: Вовсе не бред. Дело в том, что в настоящее время Аристарх Платонович находится в Индии, в творческой поездке.

Максудов: А предбанник?

Бомбардова: *(выпуская Максудова из клетки)* А предбанник-это комната перед верхним директорским кабинетом. Так как раз и работает...

Максудов: Я понял- Торопецкая Августа Авдеевна.

Бомбардова: Верно. Августа Авдеевна Менаржаки...

Максудов: Мена...виноват...

Бомбардова: Менаржаки. И Торопецкая Поликсена Васильевна..она секретарь Аристарха Платоновича.

Максудов: А Мена...

Бомбардова: Естественно - Ивана Васильевича.

Максудов: Ага-ага...

Бомбардова: Ага-то оно ага, но вы...я вам очень советую, постарайтесь произвести на них хорошее впечатление. Особенно на Торопецкую.

Максудов: Да я не умею!

Бомбардова: А вы постарайтесь!

Сцена 6. Максудова выводят из клетки и вешают ему на шею номер. На помосте высвечиваем двух величественных дам, сидящих на шарах, за печатными машинками. В одной руке у них по мундштуку, а в другой- цепь. И на цепи они обе держат одного администратора театра с номером на шее - Демьяна Кузьмича.

Демьян: Поликсена Васильевна! Поликсена Васильевна! Не подписали еще! Завтра подпишут!

Поликсена: Это подло!

Августа: Да, вы поступили подло, Демьян Кузьмич, подло!

Демьян: Августа Авдеевна....

Поликсена: Да, молчите, Августа Авдеевна! Это ваши подвели интригу под Аристарха Платоновича, пользуясь тем, что он в Индии. А вы, Демьян Кузьмич, помогли им!

Демьян: Поликсена Васильевна... Поликсена Васильевна! Матушка! Что вы говорите! Чтобы я под благодетеля своего...

Поликсена: Ничего не хочу слышать. Это все ложь! Презренная ложь.

Августа: Да тебя просто подкупили, Демьян!

Демьян: Августа Авдеевна! Поликсена Васильевна! Извольте ли видеть (*загудел Демьян Кузьмич, обращая к Максудову отчаянные, слезящиеся глаза*) помогите мне, объясните им, послали они меня в комиссию за путевками нашим в Сочи на октябрь... Ну-с, четыре путевки выдали, а племяннику Аристарха Платоновича почему-то забыли подписать в комиссии... Приходи, говорят, завтра двенадцать... И вот, извольте ли видеть, – я интригу подвел!

Поликсена: Ложь!

Августа: Ложь!

Они вместе дергают за цепь. И шея Демьян хрустит. Он падает на пол. В этот момент вбегают несколько человек, берут тело Демьяна и закидывают его в печку. Две секретарши от удовольствия смачно затаиваются и обращают свой взор на Максудова.

Поликсена: Так вы...

Максудов: Стриж Фома....прислал меня....диктовать вам пьесу...Максудов Сергей Леонтьевич....я не произвел на вас хорошего впечатления?

Максудов в шоке от произошедшего.

Поликсена: Садитесь!

Августа: Садитесь!

Максудов долго мечется, кому бы отдать свою рукопись. Потом в итоге рвет ее надвое и отдает обеим секретаршам.

Поликсена: Ну-с...

Августа: Приступим!

Поликсена: Приступим. (печатает) Март. Вьюжный март. Зимняя ночь над Днепром.(Звонок. Берет трубку) Независимый театр! Да, никаких билетов у меня нет, товарищ. До свидания!

Августа: (печатает) Лошадиные морды. Над ними в лица в папах.

Максудов: Бежит человек...задыхаясь...

Вбегает Пряхина. Прима театра, актриса помешанная на этюдах.

Августа: (печатает) Бежит человек, задыхаясь...

Пряхина: Ох, неужели вы не видите?! Солнышко! Солнышко! Бабье лето!

Поликсена: (печатает) Выстрел. Падает навзничь лежит неподвижно. От головы растекается черная лужица.

Пряхина повторяет все вышеописанные действия.

Пряхина: Свежий этюд от Ивана Васильевича?

Поликсена: Людмила Сильвестровна, хорошо что зашли, вам анкету надо заполнить.

Пряхина: Какую еще анкету?

Августа: Ах, Боже мой! Боже мой!

Пряхина: Ох, только что нажила, вырастила зерно, чуть запели струны, шла, как в Храм...и вот...Ну, давайте, давайте ее сюда. (берет анкету) Ах, пишите вы сами, пишите, я в этих делах ничего не понимаю.

Августа: Поликсевна Васильевна, это же Пряхина Людмила Сильвестровна, и это и так все знают.

Поликсена: Когда вы родились?

Максудов: В мае!

Пряхина: А вас, гражданин, не спрашивают! Пресвятая Богоматерь! Я не понимаю, кому это нужно знать?! Зачем! Ну хорошо- в мае! Я родилась в мае!

Поликсена: Год нужен!

Пряхина: Нет, меня сживают со свету!

Августа: Ох, как бы я хотела, чтобы Иван Васильевич видел, как артистку истязают перед репетицией!

Поликсена: Нет, так невозможно (*звонок. Берет трубку*) Да! Нет, товарищ! Какие еще билеты?! Нету у меня никаких би... что?! (*очень вежливо*) Ах, простите! Я не узнала голоса. Да, конечно! Конечно! Прямо в конторе будут оставлены. И программу распорядюсь, чтобы оставили. Всего, всего, всего доброго!

Августа: Ну вот, нахамила не тому, кому следует!

Поликсена: А все из-за вас, Людмила Сильвестровна!

Пряхина: Ах, оставьте, оставьте все это! Погублено зерно, испорчен день!

Поликсена: (*звонок*) Да, Пеликан Васильевич? Я передам. (*Пряхиной*) А еще вас просят зайти к заведующему труппе. На вас поступила жалоба!

Пряхина: Жалоба?!

Поликсена: От костюмерши Корольковой. Вы ее покусали!

Пряхина: Пречистая мать, да взгляни хоть ты, что со мною делают в театре! Королькова! Представляю, что она несла обо мне в Сивцевом Вражке! Но ничего! Я в ноги Ивану Васильевичу брошусь! Оставьте меня, низкие люди!

Пряхина уходит.

Поликсена: Ну-с...

Августа: Продолжим. (*печатает*) Бахтин ...

Максудов: Они вас заставят драться с собственным народом.

Августа: (*звонок. берет трубку*) Товарищ, я занята, говорите скорее. Билетов нет! (*вешает трубку*) А когда он вам расколет головы...

Максудов: ...расколет головы, они убегут за границу.

Поликсена: (*звонок. берет трубку*) Да? Нет! Вы не сюда звоните! (*печатает*) Слушайте, друзья мои...

Максудов: Мне, боевому офицеру поручили....

Августа: *(звонок. берет в трубку)* ...поручили послать вас! Да? Товарищ, вы не туда звоните. *(печатает)* Поручили послать вас в..... драку!

Поликсена: *(печатает)* Было бы за что! Но не за что!

Максудов: Я публично заявляю...

Поликсена: *(звонок. берет трубку)* ...что я вас не поведу и не пушу! Все билеты уже проданы, товарищ! У нет контрамарок! *(Максудову)* Снимайте погоны и домой!

Максудов: *(пытаясь показаться участным в проблемах театра)* Какое все же количество охотников даром ходить в театр. И ведь никто из них не пытается проехать даром на трамвае, или чтобы ему бесплатно отпустили в магазине десяток яиц. Почему они считают, что в театре не надо платить?

Августа и Поликсена прекращают печататься и обращают свой взор на Максудова. Взгляд их не выражает ничего.

Максудов: Мне определенно не удалось произвести хорошего впечатления...

Входит Пряхина. Переодетая в другой образ.

Пряхина: Поликсена Васильевна, душечка! Я вам цветочков принесла!

Августа: Людмила Сильвестровна!

Пряхина: А обо мне нет ли чего из Индии?

Поликсена: Ну хорошо. *(читает телеграмму из Индии)* Я был с Прасковьей Федоровной на берегу Ганга, и там меня осенило. Я решил загадку роли Ксении. Дело в том, что она не должна выходить из средних дверей, а сбоку, там, где пианино. Пусть не забывает, что она недавно лишилась мужа и из средних дверей не решится выйти никогда. Она идет монашеской походкой, держа в руках букетик полевых ромашек, что типично для всякой вдовы...

Пряхина: Боже! Как верно! Как глубоко! Верно! То-то мне было неудобно в средних дверях!

Поликсена: Погодите, тут есть еще. *(читает)* А впрочем, пусть она выходит, откуда хочет. Я приеду, и все станет

ясно. Ганг мне не понравился. Этой реке чего-то не хватает....»

Пряхина: Напишите Аристарху Платоновичу, что я ему безумно благодарна!

Поликсена: Хорошо.

Пряхина: А самой мне ему нельзя написать!

Августа: Людмила Сильвестровна!

Поликсена: Нет, он изъявил желание, чтобы ему никто не писал, кроме меня. Это утомляло бы его во время его раздумий.

Пряхина (уходя): Поняла - поняла!

Августа: Ну-с!

Поликсена: Продолжим! *(печатает)* Знаю, командир, почему ты боишься. Ты смерти от позора ждешь!

Максудов: Бахтин

Августа: *(печатает)* Беги! И прощай! Мы с тобой еще поговорим с потом. Отходит в сторону. Вынимает из кобуры револьвер. Анна...

На лицах Поликсены и Августы появляется гримаса ужаса.

Поликсена: Он не застрелится!

Максудов: Застрелится!

Поликсена и Августа смотрят друг на друга. Максудов показывает им исписанные руки.

Максудов: Уже застрелился!

Поликсена: *(настороженно и недоуменно печатает)* Стреляет себе в висок. Падает. Вдали послышалась гармоника и отдельные выстрелы. На высоте луна, а вдали-цепочкой грустные, красноватые огоньки в селении.

Августа: *(звонок)* Да? Да! Да! Да, Иван Васильевич, дражайший наш! Я передам! Обязательно! *(зачитывает, как приговор)* Максудов Сергей Леонтьевич, вы должны читать Вашу пиэсу Ивану Васильевичу! Для этого вам надлежит

пребыть в Сивцев Вражек 13-ого в понедельник в 12 часов дня»

Максудов: О Боже!

Поликсевна: О Боже!

Августа: Оооо, Боже!!

Сцена 7. Бомбардова и Максудов стоят у стены. Полоса света пробегает сверху вниз по их лицам, они в лифте, поднимаются на вверх к Иван Васильевичу.

Бомбардова: Значит, все-таки вызывают...

Максудов: Елена Яковлевна, вызывают! К Ивану Васильевичу вызывают! Подскажите, правильно ли я все понял: крахмальный воротник, галстук синий, костюм серый.

Бомбардова: Все это не имеет ровным счетом никакого значения. Позвольте дать вам несколько наставлений чрезвычайной важности

Максудов: Умоляю вас!

Бомбардова: Значит так: как пройдете большой серый дом, поверните налево, в тупичок. Тут уж легко найдете. Дом с колоннами. С улицы входа нет, поэтому поверните за угол во дворе. Там увидите человека, он у вас спросит... Вы зачем? А вы ему скажите только одно слово... Назначено!

Максудов: Это пароль? Позвольте, а если человека не будет?

Бомбардова: Он там будет. За углом, как раз напротив человека в тулупе, вы увидите автомобиль без колес на домкрате, а возле него ведро и человека, который моет автомобиль.

Максудов: Вы сегодня там были?!

Бомбардова: Я была там месяц назад.

Максудов: Так почему же вы знаете, что человек будет мыть автомобиль?

Бомбардова: Потому что он каждый день его моет. Возле него дверь. Он вас спросит... Вы зачем? А вы ответите...

Максудов: Назначено!

Бомбардова: Как войдете, увидите лестницу, а с ней рядом - Черный Бюст Островского. А рядом будет сидеть человек на корточках...

Максудов: Назначено!

Бомбардова: Схватываете на лету! Поднимаетесь наверх, там вас встретит....

Максудов: Назначено!

Бомбардова: Не торопитесь! Там вас встретит фельдшерица. И вот уже после этого вы ответите - назначено. (*торопясь*) Иван Васильевич первым долгом спросит у вас, кто был ваш отец. А вы ответите....

Максудов: Назначено!

Бомбардова: Да нет же? Он кем был?

Максудов: Вице-губернатор!

Бомбардова: Э, нет, это не подходит. Это его может испугать. Скажите так: служил в банке!

Максудов: Но почему я должен.....

Бомбардова: Нет времени! Он спросит еще, как вы относитесь к гомеопатии, а вы скажите, что принимали капли от желудка, и они вам очень помогли. (*торопясь еще сильнее*) Родились в Москве, Елагина не знаете, Стрижа знаете, но он вам не понравился.

Максудов: Благодарю! Вы спасли меня!

Бомбардова: И последнее: там выстрел в конце третьего акта! Так вы его не читайте!

Максудова: Но....

Бомбардова(уходя): И насморка у вас нет!

Сцена 8. На помосте высвечивается фигура величественного Ивана Васильевича в окружении основоположников. К Максудову подходит одна из основоположниц и обыскивает его.

Основоположница (проводя большим пальцем по носу):
Чисто! У вас насморка нет?

Максудов: Нет, нету!

Основоположница кидает на Ивана Васильевича разочарованный взгляд.

И.В.: Ваше имя и отчество?

Максудов: Сергей Леонт...

Максудов замечает, что Иван Васильевич и Гаврил Степанович директор, который подписывал с ним договор это один и тот же человек.

Максудов (через паузу) : ииич..

Основоположники взрываются демоническим смехом.

И.В. : Очень приятно, Сергей Пафнутьевич! Ну как изволите поживать? Простуды не чувствуете?

Максудов: Нет, нету!

И.В. : А здоровье вашего батюшки как?

Максудов: А он умер.

И.В. : Ужасно! А к кому обращались? Кто лечил?

Максудов: Не могу сказать точно, но, кажется, профессор....профессор Янковский.

И.В.: Это напрасно. Нужно было обратиться к профессору Плетушкову. Ничего бы не было.

Максудов: Увы...

И.В. : А еще лучше...гм...гм....гомеопаты. Прямо до ужаса всем помогают. Вы верите в гомеопатию?

Максудов: С одной стороны, конечно...Я лично....хотя вот многие не верят!

И.В.: Напрасно! 15 капель- и ничего не будете чувствовать (занюхивает из склянки свои «15 капель»)..

Основоположник: А батюшка, Сергей Панфилович, ваш кем был?

Максудов: Сергей Леонтьевич...

И.В.: *(основоположнику)* А ну тихо!*(Максудову)* Тысяча извинений! Так кем он был?

Максудов: Вице-губернатор!

Основоположники дружно охают.

И.В.: Так-так-так.....Ну- с....приступим!

Максудов: *(читает)* Март. Вьюжный март. Зимняя ночь над Днепром. Лошадиные морды. Над ними лица людей в папах. Бежит человек. Задыхаясь...

Вбегают огромный кот, который пробегает по всей сцене, истошно крича. После этого бросается в ноги к Ивану Васильевичу!

Кот: Я не сойду с места, пока не получу защиты, мой учитель! Я не кусала Королькову! Все это ложь!

Максудов: Пряхина...

И.В. : Людмила Сильвестровна, брысь!

Пряхина: Что я слышу? Что я слышу? Неужели мой учитель и благодетель гонит меня?

И.В.: Людочка, милая, оглянитесь!

Пряхина замечает Максудова.

Пряхина*(в ужасе):* Назад! Чужой! Чужой! *(убегает)*

И.В.*(задумчиво улыбаясь):* Кота надо висечь. *(Максудову)* Ну-с, как вам это понравилось? Вас, наверное, поражает эта сцена?

Максудов: Ну....

И.В.: Это мы репетировали. А вы, наверное, думали, что это просто скандал? Каково? А?

Максудов: Изумительно.

И.В.: Этюды очень важны. *(Занюхивает 15 капель)* Ну-с, продолжим.

Максудов *(читает):* Она заставят вас драться с собственными народом, а когда он расколется вам головы....

Основоположник: Мы против властей не бунтуем!

Основоположник: Никак не бунтуем! Что за пьеса?!

И.В.: А ну тихо! Леонтий Леонтьевич сочинил современную пьесу.

Основоположник: А зачем? Разве пьес мало? Мы не бунтуем...

Максудов: Так зачем же бунтовать?

И.В.: Продолжайте, Леонтий Сергеевич!

Максудов: *(читает)* Бахтин «Ну прощай, очень скоро ты придешь за мною». Петров «Что ты делаешь?». Бахтин стреляет себе в висок, падает, вдали слышались гармо....

Основоположники дружно ахают.

Основоположник: Неслыханно!

Основоположник: Зачем это?

Основоположник: Бунт! Это же бунт!

И.В.: Вот это напрасно. Это надо вычеркнуть, немедленно ни секунды.

Основоположник: Да, зачем же стрелять?!

Максудов: Но он должен кончить жизнь самоубийством!

И.В.: И очень хорошо! Пусть заколется кинжалом.

Максудов: Видите ли, в гражданскую войну кинжалы не применялись...

И.В.: Применялись. Я слышал.

Основоположники: И мы слышали!

И.В.: Вычеркните вы этот выстрел. А лучше знаете что: вы лучше всю сцену вычеркните. Она лишняя.

Максудов: Но я считал эту сцену главной.

И.В.: Форменное заблуждение! Зачем она? Зачем ваш этот, как его?

Максудов: Бахтин!

И.В.: Ну да... ну да, вот он закололся там вдали, а приходит домой другой и говорит матери- Бехтеев закололся.

Максудов: Но матери нет!

Основоположники: Нахальство! Позор!

И.В.: Надо обязательно! Вы напишите ее. Это нетрудно. И вот старушка рыдает дома, а который принес известие... назовите его Иванов.

Максудов: Но ведь Бахтин герой! У него монологи на мосту...

И.В.: А Иванов и скажет все его монологи! У вас хорошие монологи! Их надо сохранить!

Максудов: Иван Васильевич, но у меня на мосту массовая сцена....там столкнули массы...

И.В.: А они пусть за сценой столкнуться! Мы этого видеть не должны ни в коем случае!

Основоположники: Современная пьеса! Мы против властей не бунтуем!

И.В.: Нельзя эти массы на сцене пускать! Это хорошо, что вы некого Фому Стрижа не знаете! Мы его на черный день держим. Он нам пьесочку доставил, удружил. «Степан Разин». Я приехал в театр, а еще издали слышу: грохот, свист, крики, ругань, палят из ружей. Думаю бунт....

Основположники: Бунт! Бунт!

И.В.: А это, оказывается, Стриж репетирует! Ох уж этот Стриж- чума у нас в театре! Вы его увидите- бегите, куда глаза! Все это, конечно, с благословения некого Аристарха Платоновича. Вы его не знаете. И слава Богу! Продолжайте!

Максудов: Конец...

И.В.: Вот и отлично! Теперь над этой пьесой можно начать работать!

Он снова занюхивает со всеми капли. Потом включается музыка. И.В. начинает двигаться в такт мелодии. Появляется Бомбардова и присоединяется к веселью. Старается не поднимать глаза на Максудова.

И.В.: Я все придумал! Судьба режиссера! Будто в некотором царстве живет режиссер, а шайка врагов его травит и не

дает ему ставить в театре! Жить не дает! А он только и сидит дома, да высылает моления на своих врагов....

Максудов: Богу воссылает?

И.В.: Богу....гм....нет, в каком случае! Богу не пишете....искусству он предан!

Максудова обступают основоположники.

Основоположники: Выпейте чаю! Выпейте!

Максудов пьет чай из пенящейся бутылки... У него начинает кружиться голова.

И.В.: Сядете с ним чай пить, расскажите чего, так он все потом перевернет, сахарку вам такого положит в чаек, да еще потом скажет, будто и не было чая вовсе!

Максудов швыряет бутылку в Ивана Васильевича, но промахивается. Он качается из стороны в сторону. К нему подбегает Бомбардова. Накрывает его собой, прижимая его голову к себе.

И.В.: А вы, как я погляжу, человек упрямый...

Максудов (в забытьи): Нет, я просто человек...человек далекий от артистического мира.

И.В.: А вы его изучите! Быть артистом не легко! Они должны изучать анатомию, психотехнику, НЛП, они должны изучать все современные науки, включая нейробиологию. Они должны знать, как остановить кровь у человека, сделать искусственное дыхание. Они должны знать ритуалы - церковные. Армейские ритуалы. Они должны знать, что такое "Кругом". Это сложное техническое действие.

Максудов в забытьи.

И.В.: Я вижу, что вас это не увлекает! Вы человек неподатливый, Максудов!

Сцена 9. *На сцене пусто. Только Максудов забившийся в угол. Рядом с ним Бомбардова. Максудов, что-то лихорадочно пишет у себя на руках.*

Максудов: А, может, и вправду превратить невесту-сестру в мать....не может же быть в самом деле, что он говорил так

зря? Ведь он понимает в этих делах...Теория даже какая-то есть. *(пробует что-то написать, но не тут же трет руки, чтобы стереть написанное)* Нет, нет, белиберда какая-то! Я ненавижу вас! А героев надо своих любить...нет, ноги моей больше не будет в театре! Пусть лучше они меня сами позовут! Хотя нет....не позовут! Не пойдет у них пьеса...

Бомбардова: Всего этого следовало ожидать.

Максудов: Елена... Елена Яковлевна, как мне было не прочитать выстрел? Как его не читать?

Бомбардова: Ну, вот и прочитали. Пожалуйста.

Максудов: Я не расстанусь со своими героями!

Бомбардова: И не расстались бы...

Максудов: Ну позвольте...ведь все это бред!

Бомбардова: Бред. Вот и нужно было не спорить, а отвечать так: очень вам благодарен, Иван Васильевич, за ваши указания.

Максудов (едко): Да, непременно постараюсь их исполнить!

Бомбардова: Да-да, именно так! Нельзя возражать, понимаете ли вы или нет? На Сивцев Вражке не возражают!

Максудов: То есть как?! Никто и никогда не возражает?

Бомбардова: Никто, никогда не возражал, не возражает и возражать не будет.

Максудов: И вы в том числе?

Бомбардова: Да.

Максудов: Что бы он не говорил?

Бомбардова: Что бы не говорил.

Максудов: А если он скажет, что мой герой должен уехать в Улан-батор? Или мать повесится? Или что печка черного цвета? Что я должен ответить?

Бомбардова: Что печка черного цвета.

Максудов: И как это получится на сцене?

Бомбардова: Белая, с черным пятном.

Максудов: Бред! Паноптикум! Чудовищно!

Максудов все сильнее стирает написанное у себя с рук. Руки у него становятся красными. Бомбардова обводит свои губы бесцветной помадой. Берет руки Максудова в свои и целует их.

Бомбардова: Ничего. Ничего. Живем. Ведь живем.

Максудов: Неужели Аристарх Платонович ничего не может на это сказать?

Бомбардова: Аристарх Платонович и Иван Васильевич поссорились уже трудно вспомнить в каком году. С тех пор они не встречаются, даже по телефону не разговаривают друг с другом.

Максудов: И как назло Аристарх Платонович сейчас в Индии...Скажите мне...неужели моя пьеса так плоха?

Бомбардова: Ваша пьеса к сожалению - хорошая пьеса. И точка.

Максудов: Елена Яковлева, вы понимаете, что раз пьесу надо искорежить, чтобы она прошла, то мне этого и не нужно вовсе? Я не хочу, чтобы в меня потом публика пальцем тыкала!

Бомбардова: Она бы не тыкала, если бы вы вели себя тихо. Если бы согласились с кинжалом вместо револьвера. Поверьте: ни того, ни другого бы не было.

Максудов: Как не было?!

Бомбардова: Существуют свои приемы.

Максудов: Какие еще приемы?

Бомбардова: Их знает Стриж...

Максудов: А теперь, значит, все погибло? Пьеса не пойдет?

Бомбардова: Она...не пойдет. Разве что чудо.

В клетке включается телевизор. Снова новости, корреспондент говорит о том что сегодня в независимом театре произошло чудо начинаются репетиции спектакля по пьесе Максудова «Черный снег».

Сцена 10. Сцена независимого театра. Артисты выбрасывают на сцену манекены и делают им реанимацию.

Бомбардова: Только помните, что я вам сказала, Сергей Леонтьевич. Ведите себя тихо и не возражайте! Если вы хотите, чтобы пьеса увидела свет, то это ваш единственный выход.

Стриж: Давайте, ребятушки! Давайте! Время теряем! Шипче! Шипче!

Звучит современная музыка. Сцена буквально содрагается от динамики и энергетики актёров. Звонит телефон.

Стриж (громко в трубку) : У нас репетиция!!!

Неожиданно музыка затихает. Появляется Иван Васильевич.

И.В.: Что вы делаете?

Стриж и актеры становятся в подобострастные позы.

Стриж: Материал разминаем...

И.В.: Прошу лишних со сцены.

Актеры утаскивают манекены.

И.В.: Ну-с. Приступим! Давайте с начала! Сразу с конца первого акта!

Все занимают свои места. Начинается репетиция. Появляется Бомбардова в красивом платье, из массы отделяется актёр Елагин.

Максудов: Но...

Бомбардова : Нет, нет, мой сон — вещей. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. . А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Елагин: А вы знаете что, Анна Васильевна? Я вас люблю.

Бомбардова: Слышала. И все вы сочиняете...

И.В.: Сочиняете-сочиняете! Никуда не годится! Что это такое? Какие-то штучки и наигрывание! Как он относится к этой женщине?

Стриж: Любит ее, Иван Васильевич, ох как любит!

И.В.: А вы подумали, что такое пламенная любовь? Подать сюда велосипед!

Приносят велосипед без колес!

И.В.: Так, Елена Яковлена, встаньте наверху. А вы, Елагин, садитесь на велосипед. Влюбленный все сделает для своей любимой. Вперед. Езжайте!

Елагин пытается подняться в горку на велосипеде без колес, но у него ничего не получается.

И.В.: Нет, никуда не годится. Мышцы напряжены, вы себе не верите! Распустите мышцы, расслабьтесь!

Стриж: Расслабьтесь, Елагин!

И.В.: *(Бомбардовой)* А вы чего молчите? Играйте сцену!

Елагин: *(запыхаясь)* Я вас люблю!

Бомбардова: Все вы сочиняете!

Елагин: *(запыхаясь)* Ей богу люблю!

И.В.: Никуда не годится! Что за руки? Дайте ему букет, чтобы занять руки!

Актеру на велосипеде подают цветы!

И.В.: Передайте ей букет! Играйте!

Елагин *(запинаясь)* : Я...я...вас...люблю!

Бомбардова *(запинаясь)* : Сочиняете....

И.В.: Не то! Елагин, кажется, не понимает, что такое пламенная любовь! Срочный этюд: всем встать на сцену и запечатывать конверты, как будто это любовные письма! Езжайте, Елагин!

Елагин: У меня насморк...

И.В. *(дает Елагину занюхнуть из пробирки)* : Нет у вас насморка! Никуда не годится! Создайте сейчас напряженную атмосферу для Елагина! Обострим ситуацию! А ну все встали за Бомбардовой! И двигайте только головами, как коршуны! *(актеру)* Быстрее, Елагин!

Елагин: Я вас люблю...

Бомбардова: Нет-нет...это вы все...сочиняете!

И.В.: Нет, еще острее! Острее! Дайте я покажу, как надо дарить букет возлюбленной!

И.В. берет еще один букет, поднимается к Бомбардовой, встает на колени и дарит букет!

И.В.: Я, кажется, понял, в чем дело. Елена Яковлева, у вас зажаты колени. То-то Елагин не чувствует сцену! Путь лучше Людмила Сильвестровна попробует! Увести!

Стриж: Увести немедленно!

Бомбардова: Иван Васильевич...

Но ее обхватывают сзади люди открывают печь и заталкивают туда Бомбардову.

Максудов: Я протестую!

Бомбардова: Молчите, Сергей Леонтьевич!

Бомбардову оттаскивают в печь. Появляется Пряхина, в том же платье, но с чудовищным макияжем. И.В. проводит лицом по ее коленям.

И.В.: Совсем другое дело! Елагин, езжайте!

Елагин: Я вас люблю, Анна Васильевна!

Пряхина (наигранно) : О, нет!!!Не верю!!Я сон видела!! Мы на корабле!!!В трюме вода!!!Пресвятая мать оставила нас!! Крысы, все погибло!!!Пропали мои сундуки! Смотрите, зарево!

Все: Зарево!

Максудов: Какое еще зарево?!

Все: Зарево!

И.В.: Отлично!!! Еще обострим! Война! Елагин, вы едете к своей возлюбленной за линию фронта! Сбейте его!

Все начинают кидать в Елагина бумажные самолетики.

И.В.: Я люблю вас, Елена Васильевна!

Пряхина: И я люблю вас!

Они целуются с Иванов Васильевичем. Под их ногами все начинает дымиться. Слышен звук разгоряченный печи.

И.В.: А теперь финальная сцена, где я вызывая Бехтеева на дуэль!

Елагин: Я боюсь! Я застрелюсь!

Пряхина: Он не застрелится!

И.В.: Не застрелится, потому что мы будем драться на шпагах! В центре сражения!

Максудов вырывается на сцену, выхватывая у одного из актёров пистолет. Наставляет на окружающих.

Максудов: Я протестую! Здесь нет никакой дуэли! Я этого не писал...

И.В.: Будет, Леонтий Филаретович! Текст на репетициях роли не играет! Мы сами создаем характеры!

Максудов: Какие характеры? Моим героям нет и тридцати. Почему Елену играет Пряхина?

И.В.: Потому что я так сказал!

Максудов: Она не может играть!

И.В.: Вы хотите сказать, что понимаете эту сцену лучше меня?

Максудов направляет пистолет на Иван Васильевича.

Максудов: Да не бывает никаких теорий! И быть не может! Ваш театр не хочет играть МОЮ пьесу? Зачем она вам?

Максудов наставляет пистолет себе в висок.

Максудова обхватывают Основоположники. Пряхина целует ему руки красной губной помады.

Основоположники: Это бунт! Остановитесь!

Пряхина: Вы ничего не понимаете, Максудов. Москвичи восхищаются моей игрой! И теорией Ивана Васильевича!

Максудов: Зачем эта пьеса...

И.В.: Есть много сложных машин на свете, но театр из них самая сложная. А вы, Максудов, не театральный человек! Бросьте, там холостые...

Максудов нажимает на курок, звучит выстрел, темнота...